

УДК 94 (47) << 1945 >>

Г. В. Кретинин

**ИМПЛИЦИТНАЯ ПАМЯТЬ,
ИЛИ ВНОВЬ О НЕМЕЦКОМ НАСЕЛЕНИИ КЁНИГСБЕРГА
ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ КРЕПОСТИ В ФЕВРАЛЕ – АПРЕЛЕ 1945 ГОДА**

16

В рамках полемики со статьёй Б. Виллемса проанализирована численность гражданского населения Кёнигсберга, оказавшегося в городе во время осады в 1945 г. Рассмотрены подходы советских и немецких военачальников к оценке роли мирных жителей в защите крепости во время ее осады.

Within a polemic with B. Willems's article, the author analyses the size of civilian population of Königsberg remaining in the city during the siege of 1945. The article considers approaches of Soviet and German command to evaluating the role of civilians in defending the fortress during the siege.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, гражданское население, штурм Кёнигсберга, военное командование.

Key words: East Prussia, civilian population, siege Königsberg, military command.

В прошлом году в «Вестнике Балтийского федерального университета им. И. Канта» опубликована статья молодого нидерландского ученого Б. Виллемса, посвященная судьбе немецкого населения, которое оказалось на исходе Второй мировой войны в осажденном советскими войсками Кёнигсберге [2]. Автор указывает, что боевые действия на подступах к городу в январе 1945 г. и сам штурм Кёнигсберга в современной историографии «изучены неплохо, но промежуток между этими событиями остается предметом дискуссий» [2, с. 43].

По мнению Б. Виллемса, историки, изучая эту проблему, используют только мемуары коменданта крепости Кёнигсберг генерала Отто Ляша [16]¹. Немногим дополняют представление исследователей о происходившем в крепости и, говоря словами автора статьи, «немногочисленные разрозненные сообщения гражданских лиц». Эти лица названы: О. Ляш², Х. Лендорф и М. Вик.

---

¹ Мемуары Ляша изданы на русском языке: [10]. В российской литературе допускаются два варианта написания фамилии: Лаш и Ляш.

² Считать О. Ляша «гражданским лицом» вряд ли оправданно, но так у Виллемса [2, с. 43].

Виллемс постарался расширить круг выявленных публикаций по исследуемой теме, но все же и у него мемуары Ляша выступают одним из основных источников информации. Опираясь на них, автор статьи принял решение рассмотреть «способы защиты крепости, применявшиеся гражданскими лицами» в 1945 г. [2, с. 43]. Жители города априори были приравнены к защитникам крепости. По мнению автора, так на практике была реализована идея *Durchhalten*, заключающаяся в том, чтобы стоять до последнего [2, с. 44].

Предлагаемое военно-гражданское единение Виллемс постарался доказать, прибегнув к авторитету командования противостоявших сторон. Можно понять Ляша, на практике реализовывавшего политику партийно-государственного аппарата Германии и использовавшего любую возможность, чтобы выполнить поставленную перед ним боевую задачу. Но Виллемс постарался привлечь себе в «союзники» и командующего 11-й гвардейской армией генерал-полковника К. Н. Галицкого, якобы указывавшего «на соучастие горожан в защите крепости» [2, с. 44]. Посыл был подкреплён ссылкой на конкретную страницу мемуаров советского генерала. Однако у Галицкого на этой странице говорится только об использовании жителей на оборонительных работах [3, с. 337]. Причём для советского генерала в такой постановке вопроса не было ничего удивительного: использование мирного населения для строительства оборонительных рубежей было, по сути, обыденным явлением во многих армиях. Примерами являются и оборона Москвы и Ленинграда в 1941 г., и подготовка оборонительных рубежей перед Курской битвой в 1943 г.

Виллемс же пишет об участии горожан не только в оборонительном строительстве, но и в несении крепостной службы, в подготовке тары для перевозки и самой перевозке боеприпасов, в минировании мостов и других работах. В Кёнигсберге мобилизация фольксштурмистов оказалась более успешной, чем во многих других немецких городах. Эти формирования в конечном итоге были включены в подразделения, защищавшие крепость, что «размывало грань между гражданскими и военными» [2, с. 47–48].

Поставив таким образом жителей Кёнигсберга «в строй», Виллемс приступил к подсчёту защитников крепости, вновь используя для этого мемуары бывшего коменданта. Ляш утверждал, что численность его гарнизона составляла 35 тыс. человек [16, S. 82]. Виллемс приводит эту цифру «ничтоже сумняшеся», хотя, исходя из декартовского принципа, он обязан был подвергнуть её проверке, тем более что она рушила его концепцию единого гражданско-военного гарнизона.

Логика исследования должна была заставить автора статьи не просто констатировать факт, что современные исследователи полагаются «почти исключительно на отчет об обороне крепости, написанный генералом Отто Лашем» [2, с. 43]. Однако слово «почти» оказалось дежурным, проходным. Между тем ценность исследования заключается в том, чтобы выявить исключения. А если они объясняют пусть не всё, но

очень многое? Не хочется делать вывод о том, что Виллемс не погрузился в изучение проблемы преднамеренно. Видимо, здесь все значительно сложнее.

Вскоре после войны началась осознанная переоценка ценностей, искажавшая представления о полководческих талантах военачальников бывших союзников, особенно военачальников Красной армии. Такое искажение, где-то исподволь, а где-то и в явной форме, стало проявляться в обществе. Отголоски этого процесса особенно заметны ныне: примером может послужить отношение к маршалу И. С. Коневу и генералу армии И. Д. Черняховскому в Польше. Причем знание о прошлом в искаженной форме воспроизводилось механически, что не позволяло исследователю вникать в суть проблемы. Складывается такое впечатление, что в западном научном сообществе начала формироваться так называемая *скрытая*, или *имплицитная*, память, базирующаяся на использовании информации, полученной на основе неосознаваемого прошлого опыта.

Имплицитная память снимает у исследователя потребность в поиске имеющейся, но не известной ему в данный момент информации, тем более если эта информация ведет к нарушению сложившихся канонов.

Внедренное в общественное сознание на Западе в период холодной войны негативное отношение к деятельности советских генералов во Второй мировой находит продолжение. Хотелось бы обратить внимание на пассаж Виллемса, где он придает советским генералам способность делать выводы о том, что вообще не входило в их компетенцию. Это утверждение не голословно, в тексте статьи имеются соответствующие ссылки. Речь идет о том, что советские разведывательные самолеты во время блокады Кёнигсберга наблюдали «активную деятельность немецкого гражданского населения» [2, с. 46] (по подготовке к отражению штурма). Данные авиаразведки, пишет автор, позволили советскому командованию считать, что мирное население стремилось удержать город, а раз так, то гражданские немцы — такие же защитники города, как солдаты вермахта, со всеми вытекающими отсюда последствиями. О таком выводе (виновности мирных немцев) якобы сообщают в своих мемуарах генералы К. Н. Галицкий и Н. М. Хлебников [3, с. 354; 15, с. 351]. Однако, постраничная проверка ссылок на воспоминания Галицкого и Хлебникова не подтверждает отмечаемого факта.

Но Б. Виллемс идет дальше: в результате таких выводов советскому командованию «было легко превратить группировку сомнительного качества, состоящую из 50 тыс. мужчин, в фанатично сопротивлявшихся 130 тыс. нацистов» [2, с. 49]. Неизвестно, откуда вдруг возникла численность кёнигсбергской группировки в 50 тыс. человек. Ни немецкие, ни советские исследователи подобной цифрой не оперируют. Казалось бы, появление такого числа — новое слово в истории обороны крепости. Самое интересное, что Виллемс опять приписывает это утверждение К. Н. Галицкому и вновь ссылается на с. 354 его мемуаров [2, с. 49], однако проверено: там ничего подобного нет. Правда, ссылка имеет два

адреса: вслед за мемуарами Галицкого упоминается документ из Бундесархива, но эта ссылка «слепая»: документ не датирован, его авторство не указано.

Вернемся к названным Виллемсом цифрам: 130 тыс., 135 тыс., более 100 тыс. — численность немецкого гарнизона по данным советских источников. Эти цифры перекликаются с цифрами численности немецкого населения в осажденном Кёнигсберге. Очень часто происходит подмена понятий, так что не всегда можно разобраться, о чем речь — о численности немецкого населения, немецкого гарнизона или немецких военнопленных после штурма.

Отметим, что в немецкой историографии одним из первых — если не первым! — оценил число гражданских лиц, оказавшихся в 1945 г. в осажденном Кёнигсберге, в 130 тыс. еще в 1950 г. Юрген Торвальд [17, S. 161], правда, без указания источника. Это число сохранилось и в опубликованной в 2006 г. на русском языке в переводе с английского сокращенной эрзац-копии книги Торвальда [14, с. 77 — 78].

Вне всякого сомнения, эта работа должна была быть знакома нидерландскому исследователю, но в списке литературы она отсутствует. Критическое использование данных Торвальда могло бы сформировать у Виллемса несколько иную точку зрения на обсуждаемые события. Дело в том, что немецкий автор сообщил о численности населения в Кёнигсберге на конец января 1945 г. Таким образом, число 130 тыс. «гражданских лиц», по Торвальду, должно быть исходным пунктом для дальнейших оценок в исследованиях. По крайней мере, других данных пока не опубликовано.

Ну а дальше, в феврале — марте, начался процесс сокращения численности населения города, проще говоря, бегство. Причем это не повод для укора горожанам: реакция человеческих масс на приближающийся «конец Кёнигсберга» была естественной. Партийное и военное руководство восточнопрусской столицы оказалось непоследовательным в своих действиях. Виллемс прав, когда сообщает и о разрешениях на эвакуацию, и о запрете покидать город. Действительно, часть жителей оставалась в местах своего проживания (постоянного или временного) с надеждой переждать тяжелые дни. Однако не стоит гиперболизировать неспособность немецких властей организовать эвакуацию скопившегося населения из районов Пайзе, Пиллау, что якобы задерживало остальных горожан в столице провинции. Массовый исход гражданского населения из Кёнигсберга произошел во второй половине февраля. «Когда... вермахт вернул контроль над сообщением между Пиллау и Кёнигсбергом, в порт хлынули толпы из столицы провинции» [11, с. 92].

Восьмого марта морской порт Пиллау временно прекратил работу из-за того, что приближалось взятие советскими войсками Данцига и плавающие средства были брошены на эвакуацию населения и войск из Данцига и Гдыни. Именно тогда произошло скопление беженцев в районе порта Пайзе, о котором пишет Виллемс [2, с. 46]. Однако немцы нашли выход: до конца марта через Пиллау на косу Фрише-Нерунг для бегства по суше было переправлено 180–200 тыс. человек. С конца

марта порт в Пиллау возобновил отправку гражданского населения. До его взятия советскими войсками Пиллау смогло покинуть около полумиллиона человек [11, с. 92]. Данных о том, сколько среди них оказались кёнигсбержцев, пока нет. Можно только предполагать, что их численность могла быть весьма значительной. Это явно не укладывается в концепцию статьи Виллемса.

Впрочем, предположение — не аргумент. Нужны свидетельства, хотя бы косвенные. И они есть! Сохранились протоколы допроса немецких военнопленных, проведенного непосредственно перед штурмом города. Пленные сообщали, что «населения в городе осталось немного», гражданское население целых районов «почти полностью выселено» (улицы Лавскераллее, Альте Пиллауэрштрассе, Хаммервег, Штайндамм и т. д.) [12, л. 104, 120 и др.]³.

Даже если в городе присутствовало более 100 тыс. жителей, той пустоты, о которой говорили на допросах немецкие солдаты, не должно было ощущаться. Говоря о последней цифре, Виллемс ссылается на советского военного врача В. Е. Гиллера [2, с. 46], который в мемуарах сообщал о «не менее 100 тыс. жителей», оставшихся в городе после штурма [4, с. 409]. Эти воспоминания выдержали три издания в СССР, в 1986 г. были изданы в Берлине на немецком языке.

Однако данный факт вырван из контекста. Гиллер не ошибался. Военный комендант города и крепости Кёнигсберг генерал-майор М. В. Смирнов, отвечая на вопрос военного врача о численности населения, оставшегося в городе после штурма, не просто преувеличил цифры. Он явно поддался эмоциям, присутствовавшим у части советского военного руководства, оказавшегося в поверженном городе. Так были преувеличены известные данные в сводке Совинформбюро, сообщавшей о падении Кёнигсберга и результатах штурма. Таким был и ответ генерала Смирнова. Действительность же была иной.

В день беседы с Гиллером (13 апреля) Смирнов просто не мог знать о том, сколько немецкого населения осталось в городе. Основным источником такой информации должны были стать — и стали! — сообщения отдела регистрации и использования населения военной комендатуры Кёнигсберга. Первое такое донесение Смирнов получил только 13 апреля, на четвертый день после штурма: было зарегистрировано 1230 человек [9, с. 160–161].

В 1994 г. Ю. В. Костяшов впервые опубликовал данные о численности немецкого населения Кёнигсберга после его штурма. На 26 апреля 1945 г. военными органами было зарегистрировано 23 247 немецких граждан [6, с. 186]. Можно проследить, как эта численность менялась вначале каждый день, а затем — каждую декаду месяца. В мае 1945 г. в город стали прибывать немецкие граждане из прибрежных районов: Пиллау, Фишхаузена и других населенных пунктов. Известно, что на

³ Ныне Лавскераллее — проспект Победы, Альте Пиллауэрштрассе — ул. Дм. Донского, Хаммервег — часть проспекта Мира, Штайндамм — район Ленинского проспекта перед эстакадным мостом (всё — в Калининграде).

15 мая в Кёнигсберге численность населения возросла до 34 354 человек, а всего в провинции (в пределах нынешней Калининградской области) она составила 76 343 немецких гражданина [9, с. 162].

В конечном итоге, по данным военных комендатур, в бывшей Восточной Пруссии на 15 июня 1945 г. было зарегистрировано 281 087 немцев, из них на территории будущей Кёнигсбергской, а затем Калининградской области — около 105 тыс. человек (на 1 сентября 1945 г. — около 140 тыс.) [9, с. 156, 163].

Полагаю, что мой оппонент может вполне резонно спросить: а куда вы дели в своих расчетах пленных и погибших при штурме Кёнигсберга солдат вермахта? сколько жителей города погибло во время боев в Кёнигсберге?

Объем статьи не позволяет аргументированно ответить на эти вопросы, тем более что в литературе можно найти развернутые пояснения по этим и другим подобным поводам [7; 8; 9, с. 158—162]. Отмечу только, что, по данным Центрального архива Министерства обороны РФ, 6—9 апреля 1945 г. в ходе боев в Кёнигсберге в плен было взято 70 546 солдат и офицеров вермахта [13, л. 101].

Меньше определенности в вопросе о количестве погибших во время штурма немецких военных и жителей Кёнигсберга. К середине апреля в Кёнигсберг пришла весна. Потеплело, и после гибели большого количества людей могла возникнуть очень сложная эпидемиологическая ситуация. Боевые действия продолжались, и штатные похоронные команды войск 3-го Белорусского фронта, захоронив около 4 тыс. погибших солдат и офицеров Красной армии, были передислоцированы на Земландский полуостров. В Кёнигсберге остались малочисленные военные комендатуры.

Генерал-майор Смирнов принял решение привлечь к процессу захоронения местное население и немецких военнопленных. Свидетель штурма кёнигсбержец Михаэль Вик сообщает, что ему пришлось принять участие в захоронении погибших соотечественников. Каких-либо данных о числе захороненных он не приводит [1, с. 195—196].

Военный комендант генерал Смирнов 4 мая доложил по команде, что к этому времени в городе было «убрано» 5153 трупов погибших немцев. Учета социального положения погибших не велось. В донесениях просто указывалось: «немцев», «солдат и офицеров» [5, л. 69—133]. Естественно, это были не все погибшие. В ходе приведения города в относительный порядок, разборки развалин находились еще останки. Однако наличия массовых погребений не отмечалось.

Резюмируем: в Кёнигсберге накануне его штурма советскими войсками могло находиться 70—80 тыс. военнослужащих и до 30 тыс. гражданских лиц (около 10 % довоенного населения). Следовательно, в феврале — марте 1945 г. через залив Фриш-Гаф и порт Пиллау из Кёнигсберга смогли выбраться до 100 тыс. мирного населения.

Видится некорректным поддерживать тезис Виллемса о том, что для населения города с января 1945 г. был один выход, пусть и против воли, —

«оставаться в Кёнигсберге, что с неизбежностью означало внесение вклада в защиту крепости» [2, с. 50] и тем самым создало у советского военного командования представление о единстве солдат вермахта и горожан в обороне, а это, в свою очередь, «послужило имплицитным свидетельством их виновности» для советского командования [2, с. 46]. Тем более бездоказательно говорить о благодарности советских генералов немецкому генералу Ляшу за создание образа фанатично настроенной единой группировки и предоставление советскому генералитету возможности использовать подобный образ «для обвинений населения, звучавших в послевоенных оценках» [2, с. 50].

Нидерландскому ученому удалось подготовить интересный материал, связанный с повседневной историей Кёнигсберга в период его блокады советскими войсками зимой – весной 1945 г. Однако нетребовательный, поверхностный подход автора статьи к подбору источников, некорректное их использование, библиографическая неряшливость не способствовали успеху в работе над статьей.

Список источников и литературы

1. Вик М. Закат Кёнигсберга: Свидетельство немецкого еврея. СПб. ; Потсдам, 2004.
2. Виллемс Б. Между соучастником и жертвой: опыт гражданского населения при осаде крепости Кёнигсберг в 1945 г. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 12. С. 43–51.
3. Галицкий К.Н. В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970.
4. Гиллер В.Е. И снова в бой... Документальная повесть. М., 1981.
5. Донесения военного коменданта Кёнигсберга начальнику тыла 3-го Белорусского фронта // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 241. Оп. 2618. Д. 67.
6. Костяшов Ю.В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. №6. С. 186–188.
7. Кретинин Г.В. Кёнигсберг 6–9 апреля 1945 г.: о численности немецких войск и гражданского населения в крепости во время ее штурма // История : электрон. науч.-образоват. журнал. 2011. Вып. 5 : История стран Северной Европы и Балтии. URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/konigsberg_april.html (дата доступа: 25.02.2016).
8. Кретинин Г.В. Правда о штурме Кёнигсберга. О численности сражавшихся и потерях с обеих сторон // Москва. 2013. №5. С. 165–172.
9. Кретинин Г.В. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население: октябрь 1944–9 мая 1945 г. // Россия и Балтия. М., 2011. Вып. 6. С. 151–166.
10. Ляш О. Так пал Кёнигсберг: Воспоминания коменданта крепости Кёнигсберг. М., 1991.
11. Полуниин С.Е. Эвакуация и бегство немецкого гражданского населения по Балтийскому морю в 1944–1945 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История, политология, социология. 2015. №4. С. 91–95.
12. Протоколы допроса №22, 23 и др. // ЦАМО. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 461.
13. Справка о поступлении военнопленных от армий 3-го Белорусского фронта за время с 6 по 14 апреля 1945 г. // ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 854.

14. *Торвальд Ю.* Разгром на Востоке. Поражение фашистской Германии. 1944–1945. М., 2006.

15. *Хлебников Н.М.* Под грохот сотен батарей. М., 1974.

16. *Lasch O.* So fiel Königsberg. Kampf und Untergang von Ostpreußens Hauptstadt. München, 1958.

17. *Thorwald J.* Die große Flucht. Es began an der Weichsel. Das Ende an der Elbe. Stuttgart, 1950.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин – д-р. ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

About the author

Prof. Gennady Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: gvkretinin@gmail.com